

УДК 165.614

ОЧЕРК ТЕЛЕОЛОГИИ ЛЮБВИ**Ю. М. Бубнов**доктор социологических наук, профессор
Могилевского государственного
университета продовольствия

В статье рассматриваются основные трактовки целеполагания любви как избирательного влечения между мужчиной и женщиной. Представлена пантеистическая концепция любви А. Шопенгауэра, теологическая теория Вл. Соловьева и интегральный подход Г. Зиммеля. Сделан вывод о том, что любовное влечение мужчин и женщин обусловлено природными, наследуемыми доминантами, а также социокультурными императивами, приобретаемыми в процессе социализации индивидов.

Ключевые слова: любовь, телеология.**Введение**

Философы зачастую ищут смысл и первоначало в том, что составляет обыденное содержание повседневности для остальных людей. Вероятно поэтому все философы предстают людьми преклонного возраста, когда вместо ощущения жизни приходит потребность ее осмыслить, то бишь найти в ней смысл. Одним из самых витально насыщенных понятий выступает любовь. Мало что занимает столько внимания в индивидуальном и общественном сознании, сколько говорится, думается и чувствуется в связи с тем, что именуется любовью. Рискнем поговорить о любви с философской точки зрения. Одним из сугубо философских вопросов выступает вопрос о смысле и цели того или иного явления. Нашей задачей в данной статье как раз и будет телеология любви. Отчетливо понимая всю необъятность заявленной темы, мы претендуем лишь на статус очерка, т. е. предполагаем только обозначить основные позиции, имеющиеся в поле нашего зрения на проблему целеполагания любви. Еще одним ограничением предмета нашего дальнейшего разговора на тему любви будет ее локализация по объекту. Мы не станем рассматривать любовь к матери, Родине, Богу или северожине с хреном. И даже древнегрече-

ская широкая трактовка половой любви независимо от пола ее субъектов, столь актуализированная сегодня в либерально ориентированной культуре, нам здесь не интересна. Предметом этой статьи выступают традиционные любовные отношения между мужчиной и женщиной. Итак, приступим.

Основная часть

Любовная страсть, или, говоря скучнее, зато точнее, избирательное притяжение полов, всегда оценивалась людьми как чудовищной силы энергия природного происхождения. Источник этой энергии – Природа, не человек. Человек – лишь жалкая щепка в могучем водовороте всепоглощающей страсти соития-соединения. Каков же источник этого всемогущего владыки всего живого? Откуда берется энергия любви? В чем смысл и цель замешанного на горечи сладострастия, периодически охватывающего все живое?

Устами Платона дошла до наших времен красивая и поучительная восточная легенда о людях-андрогинах. Жили когда-то очень давно, говорится в ней, полулюди-полубоги, имя которых буквально означало “мужчино-женщины”. Они были могучи, прекрасны и счастливы. Но задумали однажды андрогины победить богов. И стали строить башню на небо – жилище богов, с тем, чтобы скинуть их оттуда. Испугались боги и задумались о том, как им избежать такой напасти. Поступили они, как и подобает богам, неординарно, но чрезвычайно эффективно. Они разделили каждого андрогина на две половинки – на мужчину и на женщину. А потом разбросали боги половинки по всему свету. Ищут с тех пор эти половинки друг друга, движимые страстью воссоединения, и не могут найти. А если случается им такая редкая встреча, обретают они тогда бывшее единство, и нет для них большего счастья [1, с. 98–100]. Красивая легенда, правда, не без скрытой иронии, вложенная Платоном в уста комедианта Аристофана, очень многих на протяжении веков вдохновляла на лирико-пессимистические произведения. У нас же в связи с ней возникли несколько иные ассоциации.

Там, где древний человек видел вмешательство богов, современный человек

ищет естественнонаучные причины. В наш век прагматизма и рационализма вполне приемлемо будет звучать следующее определение любви. Любовная страсть есть сила природного происхождения, основная функция которой состоит в притяжении представителей противоположных полов друг к другу ради продолжения жизни. Природа хорошо позаботилась о том, чтобы каждое живое существо в нужное время охватила любовная лихорадка, чтобы оно и думать не могло ни о чем другом, кроме встречи со своим избранником или избранницей.

Значение естественнонаучной аргументации для объяснения такого тонкого и возвышенного чувства, каковым является человеческая любовь, признается далеко не всеми. Одни ученые анализ закономерностей человеческих любовных отношений строят на базе общеприродного инстинкта размножения, задавая тем самым и соответствующую целевую установку брачной избирательности. Другие считают любовь привилегией человека, а ее подчинение низменному инстинкту размножения – оскорблением человеческого достоинству.

Идею об инстинктивных основаниях природных механизмов подбора брачных партнеров наиболее последовательно разработал немецкий философ XIX в. Артур Шопенгауэр. Он утверждал, что "человеком <...> руководит инстинкт, направленный на лучшее для рода, тогда как человек полагает, что он ищет лишь собственного высшего наслаждения" [2, с. 539]. Основным субъектом брачного подбора выступает род, а инстинкт является инструментом восстановления, сохранения и развития определенного "типа рода". Любовь как форма взаимного притяжения полов подчинена интересам рода – этого сверхсубъекта, существующего посредством череды сменяющих друг друга поколений индивидов. Образ человеческого рода в виде бессмертного дерева, периодически порождающего и сбрасывающего листву смертных людей, использован еще Платоном в знаменитом диалоге "Пир". Шопенгауэр, последовательно развивая основную идею своей философской доктрины о надперсональной воле к существованию, полагал, что "гений рода"

всегда незримо присутствует в желаниях и поступках конкретного человека. Половая же любовь как "самая сильная и действенная после любви к жизни движущая сила" определяет "не что иное, как состав следующего поколения" [2, с. 534]. Поэтому именно "гений рода", заинтересованный в высокой жизнеспособности новых поколений, соединяет посредством любви наиболее подходящих для их создания мужчин и женщин. В контексте подхода А. Шопенгауэра получает объяснение феномен любви "с первого взгляда", ибо "только дух рода способен одним взглядом оценить, какое значение данная женщина имеет для *Него*, для *его* целей" [2, с. 550]. Чем больше притяжение полов, тем яснее выражена воля рода, который в лице "гения рода" видит в таком сочетании мужчины и женщины гарантию рождения "гармонической, хорошо сформированной индивидуальности". И "наоборот, взаимное решительное и упорное отвращение, испытываемое мужчиной и девушкой, указывает на то, что создать они могут лишь дурно организованное, лишенное внутренней гармонии, несчастное существо" [2, с. 536]. Идеи Шопенгауэра, в том числе и вкратце обрисованные выше, были чрезвычайно популярны в конце XIX и начале XX ст. Под влиянием его идей появилось много трудов, как подтверждающих, так и отвергающих их. К числу первых следует отнести, в частности, упомянутую русским философом Вл. Соловьевым работу И.А. Вальтера "Основной двигатель наследственности" (М., 1891), в которой историческими фактами доказывалось, что великие люди являются плодом сильной взаимной любви их родителей [3]. Продуктивность идеи видовой обусловленности этого самого возвышенного человеческого переживания – любви – подтверждается ее живучестью. В число сторонников природной детерминанты человеческих эмоций, в том числе и любовных, в первую очередь входят, конечно же, представители естественных наук. Уже упоминаемый Конрад Лоренц писал по этому поводу: "Любовь есть древняя сила инстинкта, она составляет то огромное наследство, которое мы получили от животных и которое живет в нас по сей день... У нас есть все основания полагать,

что у человека, как и у большинства млекопитающих, потенциальный половой партнер узнается по таким сигналам, которые звучат для нас из глубины многовековой наследственности, а не за счет символов, узнаваемых посредством индивидуального опыта" [4, с. 145, 163]. Современные исследования американских ученых показали, что мужчины и женщины подбирают себе брачную пару, бессознательно исходя из трех критериев красоты: симметрии, пропорциональности и усредненности параметров тела и его отдельных органов, которые фиксируются на уровне "генетических знаний" [5, с. 6]. Ученые-биологи Р. Кушнерович и А. Маленков пошли еще дальше. Они утверждают, что только лишь механизмом естественного отбора невозможно объяснить то гигантское ускорение эволюционного процесса, которое происходило на протяжении последних биологических эпох практически по экспоненте. Что стало катализатором такого стремительного ускорения развития жизни на Земле? Ведь если ограничиться только принципом случайности естественного развития, тогда вероятность возникновения, например, обезьяны будет сопоставима с вероятностью сборки этой обезьяны работающего телевизора из рассыпанных деталей. Следовательно, уверены ученые, должен действовать какой-то мощный усилитель внутривидового отбора. Этим усилителем эволюционного процесса является "закон любви". "Новейшая биология, – обосновывают свою позицию авторы, – накопила множество свидетельств тому, что половая селективность не только присуща животному миру, но является правилом, можно сказать, законом" [6, с. 51–57]. Если половая селективность по признакам совместимости – закон Природы, то и человек, как ее любимое дитя, должен жить в согласии с этим законом. В этом суть позиции сторонников признания инстинктивно-природных механизмов брачной избирательности.

Противников у пантеистической теории любви, возвращавшей человека к его природным истокам, хватало всегда. Им хотелось возвыситься над Природой, в том числе и способностью к любви. Одним из самых блестящих апологетов чисто человеческой любви был русский фило-

соф Вл. Соловьев, написавший знаменитое эссе "Смысл любви", где он как раз и полемизирует с А. Шопенгауэром по этому поводу. В отличие от последнего, подчинившего человеческие любовные страсти законам Природы, Вл. Соловьев, видевший Homo sapiens не иначе как на вершине мироздания, передал его под прямое правление самого Бога. Русский философ совсем не исключал "провиденциального подбора производителей", который в животном мире "служит для произведения организмов более совершенных". Однако в мире человеческом, по его мнению, это является прерогативой не "гения рода", а Промысла Божия [7, с. 499–501].

Объективности ради следует заметить, что общего в позициях А. Шопенгауэра и Вл. Соловьева гораздо больше, чем различий. Только первый сконцентрировал свое внимание на природных основаниях человеческой любви, а второй задал ей ориентацию на высшие христианские ценности. По сути, Вл. Соловьев всего лишь дополнил концепцию любви А. Шопенгауэра, придав ей черты человеческой уникальности. Интегральной в этом смысле представляется позиция Георга Зиммеля, который не сомневался в том, что первым фактом, или, как он выражался, предварительной формой любви, является "притяжение полов" [8, с. 206]. В полном соответствии со своей культурологической концепцией, согласно которой витальность создает трансцендентные формы, вступающие с нею же в противоречие, Зиммель считал, что любовь порождена жизнью в качестве средства для продолжения жизни, но затем "любовью эта жизнь сама себя трансцендировала, своими собственными силами породила измену себе, <...> обнаруживая, что центральна для себя она сама [любовь], а не сохранение и продолжение рода и не надобность произвести некоего третьего" [8, с. 210–211]. Используя (хотя и в скрытом виде) гегелевско-марксово понятие "отчуждение", Зиммель фиксирует телеологическую инверсию любви, когда она из средства продолжения жизни превращается в самоцель, отвергающую ее. В контексте такого подхода становится понятна отмеченная Вл. Соловьевым следующая закономерность: "чем выше под-

нимаемся мы по лестнице организмов, тем сила размножения становится меньше, а сила полового влечения, напротив, больше” [7, с. 493]. Впрочем, сия закономерность вполне соответствует позиции А. Шопенгауэра, согласно которой любовь – индивидуализированное половое влечение – принципиально отличается от простого полового влечения ко всем представителям противоположного пола тем, что последнее “стремится лишь к количественному сохранению рода”, в то время как первая заботится о его качестве [2, с. 549]. Правда, А. Шопенгауэр, в отличие от Вл. Соловьева, не считал нормой смертоносные эксцессы любви, известные нам по шедеврам мировой литературы. Однако многие ученые, всерьез анализировавшие сущность любви, отмечали ее внутренний трагизм, имеющий отнюдь не литературное происхождение. Связано это с тем, что любовь всегда предполагает самоотречение индивида от присущего ему по рождению эгоизма, фактически от самого себя. Многие исследователи этой проблематики, вероятно, согласились бы с формулировкой смысла человеческой любви, данной Вл. Соловьевым, которая состоит в “оправдании и спасении индивидуальности чрез жертву эгоизма” [7, с. 505], хотя и по-разному ответили бы на вопрос о том, на чей алтарь должна вознестись жертва индивидуального эгоизма: потомкам, “гению рода” или Богу.

Однако инстинктивные механизмы брачного подбора настроены на реализацию видовых, а не персональных интересов. С этим наши эгоистические современники – дети индивидуалистического века – вряд ли могут согласиться полностью. Существовала раньше, а в век индивидуализма еще более усилилась оппозиция какой бы то ни было жертвенности со стороны индивида, для которого любовь приобрела самостоятельное значение эгоистически направленного наслаждения. Противоречие между интересами рода (а также общества и Бога), с одной стороны, и отдельного человека, с другой, подметил Карл Юнг, который писал: “Инстинктивный выбор является, по-видимому, наилучшим с точки зрения поддержания рода, но с психологической точки зрения далеко не всегда бывает счастливым, так

как между чисто инстинктивной и индивидуально развитой личностью зачастую имеется большая разница. В таком случае – при чисто инстинктивном выборе – можно, конечно, улучшить или освежить расу, уничтожив при этом индивидуальное счастье” [9, с. 202]. Остается, правда, открытым вопрос о том, насколько возможно индивидуальное счастье помимо и в противоречии с видовыми и общественными интересами, на реализацию которых в конечном счете “настроены” инстинктивно-поведенческие и инстинктивно-ментальные структуры индивида. Все-таки, на наш взгляд, именно они – природные влечения и общественные потребности (в том числе и сформулированные в религиозных образах) – выступают подспудными мощными мотиваторами любви.

Заключение

Тематика телеологии любви, несмотря на философскую насыщенность только что представленной дискуссии, напрямую связана с сугубо житейскими вопросами брачно-семейных отношений. В первую очередь это относится к супружеской совместимости как одной из основ продуктивной стабильности института семьи и брака.

Нам остается добавить к суждениям дискуссантов лишь то, что в супружеской судьбе современного человека кроме природных, наследуемых доминант брачно-семейного поведения людей огромная роль принадлежит также и социокультурным императивам, приобретаемым в процессе социализации индивидов. Нельзя сбрасывать со счетов также и импульсы самосовершенствования личности, которые для некоторых волевых людей могут стать определяющими во всей их жизнедеятельности. Нам ближе позиция авторов белорусского энциклопедического справочника по сексологии, которые считают, что, “в отличие от инстинктивного полового отбора животных, регулируемый сознанием личный выбор человеком объекта любви приводит не только к чисто биологической совместимости, но и к психологической, эстетической и моральной гармонии двух индивидов” [10, с. 211–212]. Не хотелось бы, правда, впадать и в другую крайность, принижая значение биологического фун-

даменты любовного поведения человека и преувеличивая роль его сознания. Дезориентированное сознание со смещенной ценностно-нормативной системой в сторону, например, самодовлеющей чувственности или сугубо материальных потребностей не сможет обеспечить адекватный задачам семьи подбор супругов. Поэтому целостная теория любви в контексте проблематики супружеской совместимости должна надлежащим образом относиться не только к мировоззренческим и психологическим факторам семейной гармонии, но и к стимулам биологического ряда, в том числе к биохимии и другим структурам природного происхождения, значение которых мы и постарались подчеркнуть в только что представленной статье.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Платон.** Собр. соч. : в 4 т. ; пер. с древнегреч. / Платон. – Москва : Мысль, 1993. – Т. 2. – 528 с.
2. **Шопенгауэр, А.** Мир как воля и представление : в 2 т. / А. Шопенгауэр. – Москва : Наука, 1993. – Т. 2 : О воле в природе. – 670 с.
3. **Вальтер, И. А.** Основной двигатель наследственности / И. А. Вальтер. – Москва : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1891. – 38 с.
4. **Лоренц, К.** Кольцо царя Соломона ; пер. с англ. / К. Лоренц. – Москва : Знание, 1980. – 207 с.
5. **Спориус, С.** Красота ради выживания – в процентах и пропорциях / С. Спориус // Советская Белоруссия. – 1996. – 18 сентября.
6. **Кушнерович, Р.** Любовь – инструмент эволюции / Р. Кушнерович, А. Маленков // Химия и жизнь. – 1988 – № 7. – С. 56–57.
7. **Соловьев, Вл.** Сочинения : в 2 т. / Вл. Соловьев. – Москва : Мысль, 1988. – Т. 2. – 822 с.
8. **Зиммель, Г.** Избранное : в 2 т. / Г. Зиммель. – Москва : Юрист, 1996. – Т. 2 : Созерцание жизни. – 607 с.
9. **Юнг, К. Г.** Собрание сочинений. Конфликты детской души ; пер. с нем. / К. Г. Юнг. – Москва : Канон, 1994. – 336 с.
10. Сексология : энцикл. справ. по сексологии и смежн. обл. / Белорус. Энцикл.; редкол.: Б. М. Ворник [и др.]. – 2-е изд. – Минск : БелЭн, 1994. – 350 с.

Поступила в редакцию 10.01.2018 г.
Контакты: bubnov_juri@tut.by
(Бубнов Юрий Михайлович)

Bubnov Y. STUDIES ON LOVE TELEOLOGY.

The key definitions of love aims in love viewed as a preferential attraction between man and woman are substantiated in the article. The paper provides A. Schopenhauer's pantheistic conception of love, V. Soloviev's theological theory, G. Simmel's integral approach. The author draws the conclusion that attraction between man and woman is determined by natural inherited dominants as well as by socio-cultural imperatives acquired by individuals in the process of socialization.

Keywords: love, teleology.